

Памяти Олега Сташкевича

Недавно почти одновременно нас покинули друзья и авторы альманаха – Елена Каракина и Олег Сташкевич. В память о них публикуем очерк Елены Каракиной о театре Олега Сташкевича.

Елена Каракина

«Интервенция» Олега

Очень полезно гулять по Приморскому бульвару. Место это заповедное: там можно повстречаться с кем угодно – и с хулиганом, и со знаменитостью, и с собственной судьбой. Или просто нарваться на неизвестного, но любопытного собеседника. Именно это с нами и произошло. Это был, если я не ошибаюсь, 1984 год. Мы репетировали спектакль по «Интервенции» Льва Славина. Мы – это театральная студия, которой руководил Олег Сташкевич. Студия обреталась при Клубе работников торговли (Екатерининская угол

Елена Каракина

Театрального переулка), в подвальчике с маленькой, но уютной сценой. Там когда-то, в начале двадцатых годов, был театр «КРОТ» (Конфрерия рыцарей острого театра). Там ставились пьесы Веры Инбер: «Ад в раю», «Шахматы», «Карты»; режиссером был В. Типот, будущий автор «Свадьбы в Малиновке» и «Вольного ветра». Работником сцены театра «КРОТ» была Люся Гинзбург, впоследствии – литературовед и доктор филологических наук, на подмостках театра блистала начинающая актриса Рина Зеленая, а музыкальное оформление обеспечивал своей скрипочкой юный Давид, в просторечии Додик, Ойстрах. Вот такая сцена досталась в наследство театру-студии Олега Сташкевича после того, как его, измученного ссорами с администрацией Дворца студентов, приютил у себя тогдашний директор клуба А. Виноградский. Сцене надо было соответствовать. Вот поэтому в один прекрасный день, вняв советам Бори Владимирского, тогда – старшего научного сотрудника Одесского литературного музея, он решил поставить «Интервенцию» Льва Исаевича Славина.

Стоит заметить, что тогда при каждом мало-мальски уважающем себя клубе была драматическая студия. Назывался весь этот театр уничижительным словом «самодеятельность» и зачастую таковым и являлся. Подавляющим большинством «самодеятельных» артистов были женщины разных возрастов, которых в клубы гнала как минимум жажда общения, как максимум – тоска по настоящей театральной карьере и смутная надежда найти спутника жизни. Я буду последней, кто станет кидать камни в дам, руководствовавшихся подобными мотивами. Я сама такая. Только мне невероятно повезло. Я попала в студию к настоящему профессиональному и очень талантливому режиссеру. И если обычно в самодеятельности женский контингент превалировал над мужским точь-в-точь по песенке «восемь девок, один я», то в студии Сташкевича недостатка представителей сильного пола не ощущалось. Значит, кандидатов на мужские роли хватало. Хороших и разных. Потому что в руках Сташкевича все становились профессионалами. Он умел подбирать людей к ролям. Это был один из секретов его (и нашего общего) успеха. Вот он и смог позволить себе поставить известную пьесу известного драматурга. Нашумевшую пьесу с драматической судьбой.

Краткая справка из картотеки ОГЛМ: Славин Лев Исаевич (Ицкович) (1896-1984) – русский советский писатель. Родился и жил в Одессе: 1896-1924 гг. Приезды: 1926, 1927, 1940, 1945, 1971 гг. Адреса: Франца Меринга (Нежинская), 16, – мемориальная доска; «Коллектив поэтов». Об Одессе – роман «Наследник», пьеса «Интервенция», очерки, статьи.

В прошлом году исполнилось сто лет со дня рождения писателя. Он вошел в «одесскую» обойму в первую очередь как драматург. Если самая известная пьеса одесской школы – «Закат» Исаака Бабеля, то вторая по популярности, несомненно, «Интервенция». И хотя Валентин Катаев в «Алмазном венце» дает Славину псевдоним Наследник, вкладывая в это слово и название романа, и то, что Лев Исаевич как бы принял эстафету авангарда Одессы двадцатых годов, все же для многих, и, пожалуй, справедливо, Славин остается автором «Интервенции». Пьеса очень сценична. В ней

Режиссер и его актеры

Олег и Борис Владимирович

масса выигрышных ролей. Ее очень любили режиссеры. И тем не менее какой-то злой рок преследовал ее. От раза к разу постановки «Интервенции», в том числе и одесские, появлялись, шли с аншлагами и очень быстро прикрывались начальством.

Казалось бы, Славин написал пьесу о том, как умные, благородные, самоотверженные большевики наставляют на путь истинный французских солдат и матросов. Да здравствует победа социалистической революции! Причем никаких антисоветских подтекстов автор в пьесу не вкладывал. Шутите вы, что ли, – 1933 год! Какие там под-

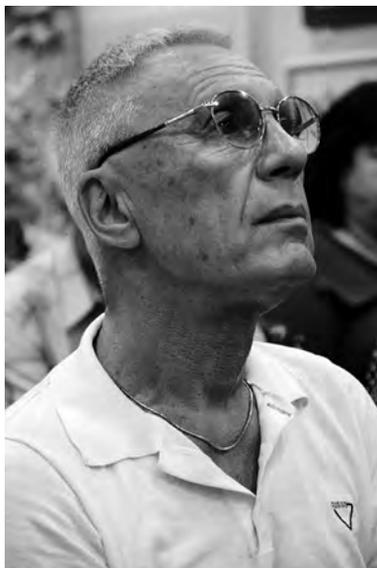
тексты, какое инакомыслие! Но уж вышло так, что в пьесе слишком много Одессы. Слишком много правды, а значит – поводов для размышлений. Почему плохой перепев «Интервенции» – оперетта «На рассвете» – годами не сходила с афиш Одесского театра музкомедии, а «Интервенцию» запрещали от раза к разу? Может, из-за первой авторской ремарки: «Бульвар. Весна. Лестница в порт. Множество нарядной публики». И ремарка задает тон всей пьесе: весна и Одесса – вот символ веры Славина.

Половина участников Иностранной коллегии была расстреляна деникинской контрразведкой: Жанна Лябурб и Смирнов-Ласочкин, ставшие прототипами центральных персонажей пьесы – Жанны Барбье и Воронова-Бродского, – сложили свои головы за дело, которое считали правым. Но в 1933 году еще были живы Соколовская (в пьесе – Орловская) и Гамарник. Через несколько лет они будут расстреляны сталинским режимом. Мог ли предвидеть это Славин? Наверное, мог. Он был умным, тонко чувст-

вующим человеком и талантливым писателем. Поэтому пьеса при всем внешнем блеске, остроумии, «шампанской» легкости глубоко трагична. По сути, это пьеса о гибели старой Одессы. О смерти шутя – наверное, тоже один из символов веры Славина, более того, одна из важнейших примет одесской литературной школы. Заметьте, что речь идет не о чьей-то гибели – о своей. И так горько в финале звучат реплики оставшихся в живых: «Мы вернемся, мы вернемся», – когда совершенно ясно, что возврата нет и быть не может. И даже последняя «бодрая сцена», когда три бывших французских солдата «поднимаются по лестнице в советский город», не снимает ощущения трагизма, а усиливает его.

Жанр романтической трагикомедии позволил Льву Исаевичу создать очень точную по настроению и атмосфере, что ли, картинку города, которого уже не было. И выписать точные многоплановые яркие красочные характеры. Конечно, такая пьеса не нужна была выхолощенной советской драматургии. Конечно, ее нельзя было не снимать с театральных репертуаров. Но с другой стороны – Лев Славин, признанный советский драматург, классик советской литературы... Вот пьесу и печатали, вот и Сташкевичу позволили поставить ее в первой половине восьмидесятых.

И когда мы ее репетировали, буквально из стен стали появляться приметы времени. На Екатерининской, в двух шагах от нашего подвальчика, на подоконнике разглядели золоченую мраморную надпись «Аптека Розецнвейга». Батюшки-светы, да это та самая, в которой Женя Ксидиас просил яду, «легкого, как поцелуй сестры», а аптекарь переживал, почему он не умер в 1916 году! Но окончательно нас доконал Приморский бульвар (на котором, собственно, разворачивается значительная часть действия). Мы с Диной Белой (мадам Ксидиас) сидели на скамейке рядом с пожилой женщиной. Ей хотелось с кем-нибудь поговорить, и она обратилась к нам с такой речью: «А я помню, как здесь ходили зуавы. На них были такие береты с перьями». Мы подскочили, как током ударенные. Клянусь, она сама завела этот разговор. Это уже потом мы дотошно выпрашивали, понравились ли ей французы – эти «бальзаки, флоберы, мопассаны». Оказывается, не понравились. Все черные, все смуглые, так и норовят что-нибудь

Взгляд на сцену

стащить. В общем, информации мы получили ноль, зато эмоций масса. Что, собственно, и требовалось для сценической жизни спектакля.

Только была эта жизнь коротка. Первое представление дали в мае. Цвела акация. Все точно по ремаркам пьесы да по словам Бродского (Эдик Маркович): «Какая весна, товарищи! Какое небо!». И мы рашалялись в текстах пьесы, еще бы – произнести в 1985-м со сцены такое: «В советской России? Мне смешно, рабочие. Там народ разбежался. Взорвали Кремль. Поезда ходят на конной тяге. Вот он чихнул – я говорю правду!». Динка-Ксидиас

обращалась к бастующим: «Рабочие! Вас опять обманули, как в 1917 году!». А ей в ответ матрос-большевик (Серезка Каракин, на которого мы с трудом натянули матросскую форменку, предварительно разорвав ее по боковым швам, – такой он тогда был толстый) рявкал: «Нам не надо, чтобы нас хвалили! Нам надо, чтобы нам платили! Рабочие голодуют!». А слова полковника контрразведки (Валерий Сторчак), которому Женя Ксидиас пришел продавать Бродского: «Какие мучения! Это литература, молодой человек. Это гиньоль. Это фантазия обывателей. Контрразведка – это чистенькая комфортабельная комната, вроде канцелярии, там сидит чиновник с высшим образованием и вежливо разговаривает...».

Да, подвел нас под монастырь Лев Исаевич. И Олег Сташкевич попал-таки в эту «чистенькую комфортабельную комнату», где с ним беседовал «человек с высшим образованием»: «А почему это у вас революционные матросы такие толстые? А почему Жанна так кокетлива? А почему Бродский так много шутит?